

Оглавление

Пролог.....	8
Глава 1.....	15
Глава 2.....	32
Глава 3.....	64
Глава 4.....	73
Глава 5.....	94
Глава 6.....	100
Глава 7.....	121
Глава 8.....	144
Глава 9.....	155
Глава 10.....	169
Глава 11.....	183
Глава 12.....	203
Глава 13.....	211
Глава 14.....	218
Глава 15.....	224
Глава 16.....	229

Глава 17.....	235
Глава 18.....	245
Глава 19.....	253
Глава 20.....	287
Глава 21.....	297
Эпилог.....	305

Юбилейную, двадцатую книгу хотелось бы посвятить всем начинающим авторам, кто так же, как и я, не побоялся осуждения, критики, насмешек и рискнул ступить на тонкий лед под названием «написание книги».

Тем, кто не искал побед и признания, а начал писать просто потому, что не мог по-другому.

Говорить о писательстве я могу только основываясь на собственном опыте, ведь никогда и нигде этому не училась.

Возможно, я кто-то вроде Мартина Идена из одноименного романа Джека Лондона: все знания о писательстве получила из книг.

Или мне кто-то нашептывает их ночами, и мне остается только записывать за этим инкогнито.

Может быть, я родилась с такими способностями, и это моя базовая комплектация.

В любом случае, все рассуждения о писательстве, которые вы прочтете в этой книге, — это только частное мнение одной дилетантки, написавшей свою двадцатую книгу.

Серия: Проект № 213: Учитель
Книга вторая

*Все герои, события и факты в данной
книге — плод воображения автора,
а любые совпадения случайны.
Данная книга написана для отдыха,
прошу тебя, мой дорогой читатель,
не тратить время на поиск несоответствий
событий и дат, а просто получать
удовольствие.*

*Благодарю за помощь в написании книги
ученого секретаря Воронежского областного
художественного музея им. И.Н. Крамского
Наталью Евгеньевну Бакину.*

*Самые честные строки пишутся ночью,
Когда молчит желание всем понравиться,
Когда от приличий витают в воздухе ключья,
А жажда правды только к утру поубавится.*

*Когда ты так честен, что веришь себе
стремительно,
Неважно тебе, что подумают завтра люди.
И предыдущие доводы невразумительны,
Ты здесь и сейчас витаешь в своём абсолюте.*

*Но только рассвет начнёт испытывать небо,
А в сонной Москве застучат хромые трамваи,
Ты понимаешь, что ночь всего лишь плацебо,
Ты с первым лучом звёзды опять в своей стае.*

*Что сказано ночью, тут же становится бредом,
Порывы души выглядят словно слабость.
И день все ночные стихи, плененный рассветом,
Вмиг превращает в глупую сентиментальность*.*

* Здесь и далее стихи автора.

Пролог

— Присаживайтесь, — сказал мужчина вошедшему, и посетитель молча сел на единственный стул. Это было собственное правило хозяина кабинета, чтобы тот, с кем он разговаривал, был на нужном ему расстоянии в зависимости от тона беседы. Это было очень важно для продуктивного разговора. Иногда для доверительной беседы стул ставился близко, а иногда, чтоб показать свою значимость и немного надавить на визави, стул располагался далеко, вот как сейчас, почти в самом дальнем углу.

Ни один посетитель еще не осмеливался сдвинуть стул с места.

«И этот не исключение», — подумал про себя хозяин кабинета.

Но вдруг, гость, немного поёрзав на нем, встал и, поднеся стул к совещательному столу, чуть запыхавшись, расположился прямо перед хозяином кабинета. Это несколько обескуражило и насторожило. Чересчур самостоятельных ведомство не любило, тем более гражданских или «бывших». Хотя, на-

верное, в этой профессии бывших не бывает, и этот пенсионер так и не стал просто гражданским.

— Давайте сразу к делу, — сказал хозяин кабинета, когда посетитель достал блокнот, ручку, словно приготовившись что-то записывать. — Надеюсь, вам не надо объяснять, что всё, что сейчас я вам скажу, государственная тайна. — Гость в ответ чуть заметно кивнул. — Позже вам придется в этом расписаться.

Посетитель всё больше ему нравился, ни один мускул не дрогнул на его лице, и хозяин кабинета, опытный разведчик в прошлом, сейчас не мог понять, какие чувства скрывает эта маска благодушия. Внешне гость был очень похож на постаревшего Винни Пуха, но интуиция подсказывала, что это показное.

— За последние два месяца в сообщениях от наших агентов из Германии всё чаще стал упоминаться небольшой город Райский Воронежской области. Наши недопартнёры ищут выход своих людей на этот населенный пункт. Город маленький, и ничего особо примечательного там нет: ни военных заводов, ни складов со стратегически важными товарами, никаких других интересных мест. Единственное градообразующее предприятие — химико-фармацевтический завод, выпускающий лекарства. Сверив по времени, мы поняли, что интерес к городу возник практически сразу,

как только собственник этого самого завода, Островский Ренат Валерьевич, инициировал восстановление старой, разбомблённой ещё во время войны церкви. Надо сказать, что от храма там оставались лишь развалины, и восстанавливать, по сути, было нечего, поэтому никто даже не пытался это сделать все восемьдесят лет. Но богатый человек может позволить себе всё, а тем более такую малость как благотворительность. Поэтому местной администрацией и епархией ему без проблем было выдано разрешение на все работы, от разбора завалов до постройки нового храма. Именно во время разбора завалов и была найдена картина Василия Кандинского «Корабль у мола». Это одна из почти полутора тысяч картин, считавшихся пропавшими из музея Крамского в городе Воронеж во время войны. Их просто не успели вывезти: не хватило ни времени, ни возможностей. Но предполагалось, что и фашисты до них тоже не успели добраться и все картины просто сгорели при бомбежке в пожаре. В 1942 году линия фронта проходила прямо через город, и одна из бомб угодила в здание музея, а пожар, разгоревшийся от разрыва снаряда, уничтожил уже всё подчистую.

Посетитель сидел и что-то увлечённо писал в блокноте, не поднимая взгляда на хозяина кабинета. Это очень раздражало, и он замолчал.

— Но оказалось, что одна картина каким-то образом была вывезена и спрятана в соседнем маленьком городе, — сказал его гость утвердительно, когда пауза затянулась. — Я читал об этом в новостях. По-моему, там ещё говорилось, что этому меценату и благотворителю разрешили отреставрировать картину в лаборатории при его заводе и оставить в местном музее, насколько я помню.

— Совершенно верно, — ответил хозяин кабинета. — Это своеобразная благодарность за находку от нашего министерства культуры. Он, вернее его люди, собирают под своим кураторством лучших специалистов-реставраторов и консультантов. На заводе в данный момент заканчивается обустройство лаборатории по последнему слову техники.

— Заберите у него картину и поместите под охрану, — предложил гость, — проверьте её вдоль и поперёк.

— Тут два аспекта. Первый — зачем им картина? Ну не Кандинский же им так понадобился. Сейчас она, конечно, стоит дорого, но это не уровень интереса государственной разведки. Зачем BND Кандинский? И второй аспект, а вдруг дело вовсе не в Кандинском? Есть такое предположение, что они знают то, чего не знаем мы, и, просто забрав картину, мы этого так и не поймем.

— Зачем вам я? — запоздало спросил гость.

— Для этого есть причина, не буду вдаваться в подробности. Одним словом, они не должны узнать об интересе нашей конторы к этому делу, а точнее, что кантора в принципе узнала о их интересе. Пока кажется, что дело неважное, да и вообще, возможно, нет никакого дела, в таком случае конторе лучше не стоит светиться. Мне нужна небольшая команда гражданских, но при этом профессионалов для полевой работы, о вас и ваших людях буду знать только я. Очень важно, чтоб в BND не узнали о нашем интересе к городу Райский, иначе мы поставим своего человека в их структуре. На кону, можно сказать, раскрытие агента, а в своем окружении я пока не уверен. Идут оперативные действия. Вы моя страховка, как бы обидно это для вас это ни звучало. Мне сказали, что вы в своем экспериментальном отделе отбирали способных людей и вот недавно даже представили результаты их работ «самому». Насколько я знаю, он остался доволен.

— Да, но они все уже переведены на работу в ФСБ. Так что тут вопросы не ко мне, а к их непосредственному начальству. Сам экспериментальный отдел закрыли, так что я опять официально пенсионер, — развел руками гость.

— Мне не нужны те, кто теперь официально служит в ФСБ, — сказал хозяин кабинета сухо. — Вы должны понимать, что если у нас действительно крот, — на этих словах он не смог сдержать раздражение, — ему не составит труда пробить любого человека и даже базу службы безопасности. Мне нужны такие же профессионалы, но официально не причастные к конторе.

— Есть и такие, — ответил просто гость. — Мне бы хотелось получить от вас ответную услугу. Я хочу иметь доступ к закрытой информации о существовавшей в конце восьмидесятых, — начале девяностых программе СНИР, если, конечно, это в вашей компетенции.

Гостю, видимо, не требовался быстрый ответ, потому что, сказав это, он протянул хозяину кабинета листок, на котором что-то постоянно писал, и добавил:

— Это лучшая команда, которую я когда-либо создавал.

Через несколько минут полковник Василий Васильевич Бурлаков выходил из здания Службы внешней разведки, а хозяин кабинета внимательно рассматривал рисунок, на котором была изображена странная компания, чем-то напомнившая ему свиту Воланда из «Мастера и Маргариты». Высокий и немного нескладный парень — именно так он пред-

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

ставлял себе Коровьева. Интеллигентный Азazelло с умным и сосредоточенным лицом в клетчатом пиджаке и порядком постаревшая, но всё равно отталкивающе-привлекательная Гелла, держащая на руках черного кота. Они пили что-то из высоких бокалов, сидя в летнем кафе у вокзала, на котором неровными буквами было написано «Добро пожаловать в город Райский».

Глава 1

Детектив должен начинаться с убийства, и только лирический может начинаться со вздохов. За это я его и люблю, именно этим свойством он интересен вдвойне, ведь ты должен разгадать замысел автора не только в том, кто убийца, но и кто же будет жертвой. Знакомясь с героями в первых главах, ты уже в напряжении гадаешь, кого же из этих порядочных людей со скелетами в шкафах на этот раз решил убить автор.

О писательстве.

Тамара Верховцева ехала в автобусе, наполненном уставшими людьми, и задыхалась от запаха пота, смешанного с пылью и перегаром. Лето выдалось жаркое и, только начавшись, уже успело надоесть своими плюсом сорока. Тяжело было всем, но Тамаре особенно, с учетом

ее обстоятельств. В рубашке с длинным рукавом было нестерпимо душно, даже несмотря на то обстоятельство, что она была из дышащих материалов. Обреченная навсегда носить вещи, прикрывающие тело, девушка изнывала от жары даже под льняной тканью.

«Зачем я здесь? Что будет, когда я опять увижу доктора Зло вот так, вживую, а не как в последнее время во сне?» — эти мысли пронеслись в голове, и стало страшно.

Тома по инерции потрогала предплечье. Она так делала всегда, когда ненароком, нарушая собственный запрет, вдруг возвращалась в прошлое. Как же не хватает кондиционера, простого элемента цивилизованного мира, видимо, недоступного местным автобусам.

Сама она машину не водила и, добравшись до Воронежа в комфорте вагона СВ, хотела взять такси с кондиционером, но не тут-то было. Из-за плохой дороги все таксисты отказывались ее везти в Райский, независимо, через приложение она их вызывала или же подходила к загоравшим возле вокзала бомбилам.

— Поторопись, дочка, — сказал один старичок на потрепанной иномарке, которая, сроднившись с пейзажем, уже вполне походила за свою, — сейчас туда последний автобус уедет, и сегодня вообще не доберешься до Райского.

Выбора не было, пришлось идти на автобус. Именно тогда первый раз ее посетила мысль: «Может, не надо?»

Сейчас Тамара тряслась на ухабах и понимала таксистов. Дорога и правда была разбита, и даже автобус с его высокими колесами постоянно подбрасывало на кочках.

Да и вообще поездка в целом выходила очень колоритной и против воли переносила ее мысленно туда, в прошлое, которое она не хотела вспоминать никогда.

Тамара уже и забыла, что так бывает, когда небритый мужик, всю дорогу дышащий на нее выхлопами спиртного, вдруг засыпает и начинает бессовестно укладываться на твое плечо, прижимая к окну.

— Мужчина, проснитесь, — сказала она, тихонечко оттолкнув его от себя, но то ли Тамара не рассчитала силы, то ли мужик так и не проснулся, но он плавно, как в замедленном действии, свалился в проход между сиденьями и застонал.

— Вы что, сдурели совсем?! Товарищи, вызовите полицию, не видите, человека избивают, — мужик продолжал возмущаться, неуклюже поднимаясь с пола автобуса. Пассажиры маялись от летней духоты и пыли, что залетала в открытые окна автобуса, и не спешили реагировать на его возгласы. Лишь лениво поглядывали в их сторону на случай развития событий.

